

**You have downloaded a document from
RE-BUS
repository of the University of Silesia in Katowice**

Title: Marina Cvetaeva : motivacionnoe clenienie teksta

Author: Petr Cervinskij

Citation style: Cervinskij Petr. (2009). Marina Cvetaeva : motivacionnoe clenienie teksta. W: P. Czerwiński, J. Stawnicka (red.), "Słowo i tekst. T. 2, Język i proces literacki" (S. 32-42). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

Uznanie autorstwa - Użycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Петр Червинский

Катовице—Сосновец

Марина Цветаева: Мотивационное членение текста

Проблема мотивации текста, и прежде всего художественного и поэтического, многосложна. Она может быть связана, в частности, с анализом национально культурных, передаваемых автором, представлений¹, как правило в его творчестве изменяемых, т.е. трансформируемых. Проблема эта к тому же парадигматична, и при этом в самых различных смыслах — и в смысле парадигм культуры, и в смысле парадигмы мировоззрения, и в смысле парадигмы творчества автора, и в смысле парадигматики текста, равным образом как и в других возникающих или возможных смыслах. Поэтический текст в этом отношении представляет собой богатый объект для анализа, будучи семантически множествен, мотивационно емок и напряжен. Можно было бы даже сказать, что, вызываемый к жизни нередко не до конца определенным предощущением, не формулируемым чувством экзистенциального смысла, начинаясь неясным гулом звучащих значений, при своем воплощении, в выражении, поэтический текст становится медиатором и мотиватором этих ощущений и чувств.

О мотивации и мотивированности в языковом, лингвистическом понимании написано не так много², и в первую очередь применительно к словообразовательному, т.е. структурно-семантическому, аспекту возникновения и существования слова. Анализ семантики текста, текста художественного

¹ О национально-культурных концептах и стереотипах см., напр.: Ю.С. Степанов: *Константы: словарь русской культуры*. Москва 2001; Ю.Е. Прохоров: *Национальные культурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев*. Москва 2003 (там же литература по теме).

² Н.Д. Голев: *Динамический аспект лексической мотивации*. Томск 1989 и отчасти Л.В. Лисоченко: *Высказывания с имплицитной семантикой*. Ростов-на-Дону 1992.

и поэтического, производившийся на самых разных основах, связывал текст с особенностями создания поэтического мира (миров), с поэтической системой автора, с преобразующей и обогащающей силой семантического начала стиха³.

Большой интерес для понимания текста и творчества поэта в целом представляет проблема так называемых прообразов — того или тех, что и кто были истоком отображения в тексте, послужили мотивом, мотивационной основой, фактографическим первоначалом стиха, его основанием. Область эта, поиск прообразов, всегда была прерогативой и философским камнем преткновения и столкновения литературоведов. Для лингвистического, точнее герменевтического, понимания текста проблема прообразов, как представляется, не столь и важна. Все, что относится к реальному факту, что биографично и автобиографично, к семантике в лингвистическом, а с этим и эстетическом, смысле не должно относиться. Семантика лингвистическая, а с ней художественная, это семантика обобщения, осмысления на уровне факта культуры — национальной, универсальной, эпохи и типа и данного автора как ее представителя и как создателя собственной формы одной из ее парадигм⁴.

Однако поиск иного рода прообраза все же может и должен лингвистику и герменевтику интересовать. Без обращения к истории жизни, событиям, лицам, конкретному времени и пространству реальной действительности. И это также будет поиск мотивационных прообразов и оснований. Всякое сказанное, произнесенное, запечатленное в слове и словом созданное всегда имеет нечто, себе предшествующее, поскольку создано, воспроизводится, воплощается по некоему общему образцу. Модели и прототипы, фреймы и паттерны, сценарии и программы⁵ — все эти понятия и термины, принятые в современной лингвистике и отражающие ее естественное стремление интегрироваться, вторгаться в мир человека, быть частью науки о нем, входить в сознание говорящего, создающего словом и пишущего, а не только в его (сознания говорящего) звуко-символьные или графические отображения. Мотивационной реальностью для языкового, словом отобра-

³ В.П. Григорьев: *Поэтика слова*. Москва 1979; В.П. Григорьев: *Словотворчество и смежные проблемы языка поэта*. Москва 1986; Н.А. Фатеева: *Семантические преобразования в поэзии и прозе одного автора и в системе поэтического языка*. В: *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформации*. Москва 1995.

⁴ См., напр.: *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль*. Москва 1990; *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыт описания идиостилей*. Москва 1995 и др.

⁵ Ч. Филлмор: *Фреймы и семантика понимания*. В: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 23. Москва 1988; Т.А. ван Дейк, В. Кинч: *Стратегия понимания связного текста*. В: *Новое в зарубежной лингвистике...*; В.З. Демьянков: *Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода*. „Вопросы языкознания” 1994, № 4.

женного и в нем воплощенного — текста, высказывания — должна быть, следовательно, и уже есть, не столько реальность внешняя и объективная, реальность жизни и бытия, сколько реальность сознания — внутренняя, субъектная (далеко не всегда субъективная). При соответствующем изучении конкретного текста или высказывания такое сознание становится сознанием порождающим (генеративный аспект). Откуда черпает порождающее сознание модели, паттерны воспроизводимого им фрагмента языковой действительности, каковым в известном смысле является текст? Тем более и, может быть, в первую очередь текст художественный, и еще более, чем тем более, поэтический? Перефразируя слова Ахматовой, интересно и важно ли знать для семантики (мотивационной теории) текста и герменевтики, из какого такого сора растут стихи? из какой такой тысячи тонн словесной руды (словесной ли?), по словам Маяковского, они добываются? Насколько это важно и в каком отношении интересно — ответы на эти вопросы действительно, видимо, прерогатива литературоведов, вписывающих добываемые знания в историю литературы и в литературный процесс, соотносящих ценности одного и другого явления, отмечающих их тенденции, ходы и закономерности. Для семантики и мотивационной теории текста важна, скорее, их констатация, обнаружение и отношение к общему — языковому и речевому сознанию носителей данного языка и данной ментальной культуры.

Сразу же возникает вопрос определения того, что такое языковое сознание и чем оно отличается от речевого и какое еще бывает, возможно, сознание, так волнующий в последние полтора десятилетия лингвистику. Вопрос для выбранного предмета не безразличный. Не вдаваясь в его терминологические и понятийные стороны, отметим только, что оно (языковое сознание) может иметь преимущественно вербализованные, преимущественно не вербализованные и в разных соотношениях смешанные проекции. Для фрагмента предлагаемого анализа этого представления будет достаточно.

Иногда бывает важнее (особенно в языкознании) некий феномен увидеть и показать, чем давать ему сразу строгое определение, вписывая в систему, которой пока что нет. Времена и мнения меняются, определения также, а явление, если оно было обнаружено и показано правильно, остается. Поскольку мотивационная теория стихотворно-поэтического текста, как составляющая его семантики, пока что не существует, немногочисленные авторы делают первые попытки в указанном направлении, строгое понятийное определение и некуда было бы вписать, и не на что опереть. Не в этом мы видели и нашу задачу, которая состояла в том, чтобы показать проекцию стихотворного текста как порожденного, выраженного в словах языка высказывания на „языке” культуры, к языковому сознанию говорящих на языке как носителей данной культуры. Проекцию к образцам и паттернам данного языкового сознания, его вербальным и когнитивным схемам, лежащим в основе порождения и восприятия, а с тем понимания, интерпретации, реинтерпретации,

толкования, ретрансляции и т.д., — всего того, что составляет основу коммуникативного взаимодействия и обмена в данной языковой и культурной среде.

Текст и автор для такого анализа должны были быть в указанном отношении достаточно убедительными, наглядными и потому привлекательными. Этим условиям, как показалось, выбранный текст М. Цветаевой вполне отвечает.

Мотивационный анализ подобного рода можно производить с точки зрения объясняющих художественный образ смыслов, с точки зрения их синтагматической последовательности, с точки зрения мотивирующих смысл связей и с точки зрения предвещающих текст когнитивно-вербальных схем. Для определения трансформационных типов генеративных включений, построенных на обращении к элементам ментальной культуры, интерес представляет, как уже отмечалось, последний вид.

Предвещающие схемы — **одно из средств трансформационной семантики**. Семантическое включение общеизвестного, его изменение в тексте, создание на его основе собственных значений можно рассматривать как прием художественной стилизации, художественного варьирования общезначимого смысла. Для Цветаевой подобный прием характерен.

С точки зрения своей генетики, мотивы и схемы в качестве предвещающих в ее поэзии используются в одном ряду — фольклорные, библейские, литературные, романтические, как стилевые и узнаваемые признаки соответствующих представлений и впечатлений. Приемы аллюзии и реминисценции, внутренне ей не чуждые, как таковые, т.е. как приемы, не оформляются, оставаясь толчком, порождающим импульсом вербального выражения. Для Цветаевой важно само это узнающее и мотивирующее движение и ход. Волнующий мир языка поэзии в ее сознании и творчестве предстает не как отражение реального мира, а как мир узнаваемых знаков культуры, игра в очередной их расклад, как в гадании-предсказании. Вид и характер предвещающей схемы, тип мотивирующей функции в связи с этим стоит рассматривать типологически — как интерпретирующую и интерпретируемую в ее поэтическом речевом сознании разновидность того или иного включения (как правило, знака культуры) и как трансформированную его разновидность. Интерес представляет также и соотношение схем стиха, их комбинаторика, но это и их типология возможны на фоне мотивационного изучения всего ее творчества в его отношении к творчеству других поэтов.

Подобным же образом полный набор трансформационных типов выявляется в результате анализа значительного числа текстов. На примере одного текста можно показать лишь принцип мотивационного членения. Текст, как уже говорилось, подбирался такой, наличие предвещающих схем в котором и определение их характера по источнику не вызывали бы особенных колебаний:

1. *Вчера еще в глаза глядел,
А нынче — все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, —
Все жаворонки нынче — вороны!*
5. *Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остоibenелая.
О вопль женицин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»*
9. *И слезы ей — вода, и кровь —
Вода, — в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха — Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.*
13. *Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?»*
17. *Вчера еще — в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе ручки разжал, —
Жизнь выпала — копейкой ржавою!*
21. *Детоубийцей на суду
Стою, немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?»*
25. *Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бед-
ствую?»
«Отцеловал — колесовать:
Другую целовать», — ответству-
ют.*
29. *Жить приучил в самом огне,
Сам бросил — в степь заледене-
лую!
Вот что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе — я сделала?*
33. *Все ведаю — не прекословь!
Вновь зрячая — уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садов-
ница.*
37. *Само — что дерево трясти! —
В срок яблоко спадает спелое...
За все, за все меня прости,
Мой милый, — что тебе я сделала?*

Будут выделены так называемые мотивирующие основания строк — вербальные, когнитивные либо вербально-когнитивные схемы языкового сознания, природа которых стереотипна. Это могут быть речевые схемы и формулы, конструкции и клише, устойчивые обороты, фразеологизмы, концептосхемы, стереотипы сознания, представления общественного бытия и культуры (изучение их природы в различиях не входило в задачу анализа, ограничиваясь лишь констатацией вида). Все это будет представлено в левой части таблицы. В правой части — фрагмент отраженного в анализируемом тексте по строке соответствия (как это выражено, отражено, какими словами воплощено у Цветаевой), с указанием, кратким, в скобках, какой бы это мог быть трансформирующий, преобразующий схему, модифицирующий ее прием.

Мотивирующие основания строк

1. *смотреть в глаза* (кому-либо)
смотреть друг на друга
(вербальные речевые схемы)
2. *косить глазом*
коситься на кого-либо
смотреть на сторону
(вербальные речевые схемы)
- 1—2. *вчера... сегодня... (завтра)*
(схема представлений, общая)
3. *сидеть до (первых) петухов*
сидеть до рассвета
(вербальные, общезыковые)
4. *жаворонок — весна, радость*
ворон — зловещий предвестник,
тревога
(фольклорные и общие схемы представлений)
5. *умный — глупый*
6. *живой — мертвый*
(схемы представлений, вербальные, общие)
7. *... всех времен* (что-либо)
(вербальная речевая схема)
8. *Что тебе я сделал(а)?*
(вербальная речевая схема)
9. *в жилах не кровь, а водица*
кровь рекой течет
(вербальные речевые схемы)
10. *умываться слезами весь (вся)*
в слезах, крови (вербальные речевые схемы); *кровь, пот и слезы*
(схема представлений, общая)

Модификация
(прием)

- *в глаза глядел, косится в сторону*
(измененное объединение по структуре первой схемы с включением значения второй и заменой одного компонента)
- *косится в сторону*
(объединение трех схем в одну со значением второй и третьей, по первой осуществляется переход со строки 1 на строку 2)
- *вчера... нынче*
(сокращенное включение с заменой одного элемента)
- *до птиц сидел*
(замена компонента для связи со схемой строки 4, значение сохранено)
- *жаворонок — ворона*
(отождествляющее объединение в фольклоре несоотносимых схем)
- *глупая... умен*
- *живой... остолбенелая*
(замена компонента — меняется значение, появляется окраска)
- *воплъ всех времен, женщин всех времен*
(расширение сочетаемости)
- *что тебе я сделала?*
(включение без изменения, субъективное словорасположение)
- *слезы — вода, кровь — вода, — в крови, в слезах умылася*
(парное расширение сочетаемости компонентов устойчивых словосочетаний через отождествляющее объединение *кровь — слезы*)

11. *мать и мачеха; не мать, а мачеха*
(схема представлений, общая) — *не мать, а мачеха — Любовь*
(включение с расширением значения, сочетаемости)
12. *ждать милостей*
(вербальная речевая схема)
ожидать суда, Судного дня
(схема представлений, библейская) — *не ждите ни суда, ни милости*
(объединение в парное сочетание двух самостоятельных и с разным значением схем, расширение значения)
- 13(14). *корабль — разлука, прощание; дорога — разлука*
(схемы представлений, общие) — *увозят милых корабли, уводит их дорога*
(параллельное объединение двух непротиворечащих схем)
14. *белый — покрытый снегом, пылью* (реальное, о дороге); *холодный, равнодушный* (общее); *к смерти относящийся* (фольклорное) — *дорога белая*
(объединение значений различных схем в пределах одной схемы, не исключено подключение фольклорного значения)
15. *стон (стоит) по всей земле*
(схема представлений, вербальная, общая) — *и стон стоит вдоль всей земли*
(включение с усиливающей заменой — *вдоль*)
17. *в ногах валяться (умолять)*
(*лежать, быть*) *у ног кого-либо*
быть, лежать в ногах (о кошке, собаке, неодушевленных предметах) (вербальные, фразеологические, речевые) — *в ногах лежал*
(объединение с включением значений всех трех схем)
18. *сравнивать с недостижимым, далеким, прекрасным* (*звездой, луной, солнцем*)
сравнивать с жизненно необходимым
(*как вода, воздух*)
(схемы представления, общие)
равнять чему-либо — равнять с чем-либо (просторечное)
Китай, китайский (о чем-либо далеком и странном)
(национально-общие представления)
держава — великое, мощное
(общее представлений) — *равнял с Китайскою державою*
(объединение схем по принципу иронического совмещения: далекое + необходимое + Китайская держава + мощное = та, которую любят)
19. *разжать (обе) руки* — *обе рученьки разжал*

- (вербальное, речевое)
руки → *рученьки*
 (фольклорное, вербальное)
20. *жизнь — копейка*
выпадет (при гадании)
выпасть из рук
 (общее представлений)
гроша ломаного (копейки) не
стоит
 (вербальное, фразеологическое, речевое)
ржавый = *старый, ненужный*
 (общее представлений)
21. *мать-детоубийца (Медея)*
 (мифологическое)
22. *предстать перед судом, стоять на Суде; Суд божий, Судный день*
 (общее представлений; библейское)
23. *быть в аду* → *быть грешником, вместе быть в аду с кем-либо* → *один грех иметь, быть равным по прегрешениям с кем-либо*
 (культовое представлений)
и после смерти что-либо делать
 → *быть очень уверенным в чем-либо* (общее представлений)
25. *(стул) кровать = тюрьма*
тюрьма → *казнь*
 (общее представлений)
26. *терпеть и бедствовать — за что?* (вербальное, фразеологическое, речевое)
любовь = *муки, несвобода, плен, страдание, бедствие, тюрьма*
 (общее представлений)
- 27(28). *умерщвление жен, возлюбленных; жена на одну ночь* (общее, мифологическое, сказочное — Синяя борода; жених-мертвец, упырь в русских сказках)
- (введение фольклорно окрашенного элемента в структуру речевого устойчивого оборота)
- *жизнь выпала — копейкой ржа-вою*
 (объединение с включением значений всех схем)
- *детоубийцей на суду стою*
 — *немилая, несмелая*
 (объединение схем с расширением исходного значения)
- *я и в аду тебе скажу*
 (объединение значений трех схем в пределах одной схемы)
- *спрошу я стул, спрошу кровать*
 — *за что терплю и бедствую?*
 (знаковые, сигнальные включения; с развитием, объединением и взаимодополнением значений всех схем строк 25—28)
- *отцеловал — колесовать: дру-гую целовать*
 (усиленное включение)

- колесовать, четвертовать —
самые мучительные казни
(общее представлений)*
29. *жить в огне, в самом огне, огонь
любви, гореть (пылать) стра-
стью, огонь — дар, тепло, очаг
(общие представлений)*
30. *степь — пустота, неуют, нена-
стье, скитание, дорога, вечное
ожидание
(общее и фольклорное представ-
лений)
степь = холодная, зимой, мороз,
открытое место
(фольклорное, в ямщицких
песнях)
бросил — выгнал, оттолкнул (на
улицу) в степь, на мороз
(вербальное, речевое)*
- 33(34). *все знать (ведать) — про-
видец, зрячий — неослепленный,
трезвый;
любовь ослепляет
(общее представлений)*
35. *Любовь и Смерть, смерть
сильнее любви, за любовью
наступает смерть, конец любви
— смерть
(общее представлений)
сад — смерть, загробный мир
(одно из фольклорных значений
темы сада)*
37. *само яблоко не упадет, если не
потрясти дерево; яблоки сами (в
рот) падают; спелое яблоко —
само падает
(общее представлений)
спелое, созревшее — прошедшее
чувство; цвело — отцвело, зрело
— отозрело, ушло — пропало
(общее представлений)*
- *жить приучил в самом огне
(обобщающее объединение-
вывод, значением последней
схемы осуществляется переход в
строку 30)*
- *сам бросил в степь заледенелую
(объединение схем)*
- *все ведаю...*
- *вновь зрячая — уж не любовница
(прямые включения известных
схем)*
- *где отступается Любовь,
там подступает Смерть-
садовница (объединение схем
с подключением значения фоль-
клорной схемы)*
- *само — что дерево трясти! —
в срок яблоко спадает спелое
(объединение схем, совмеще-
ние значений в пределах одной
схемы)*

*любовь — яблоко, молодые (же-
них и невеста) яблоки*
(фольклорная тема; библейское)

39. *Прости за все*

(вербальная формула прощания)

— *за все, за все меня прости*

(усиление исходной формулы
повтором и инверсией)

Основная тенденция цветаевских включений, основной модифицирующий прием, как следует из анализа, можно было бы определить как объединение с заменой либо введением экспрессивно-усиливающего компонента. Стихотворение в целом построено на использовании вербальных речевых схем и схем-стандартов ментальных, культурных и эмпирических представлений. Включений мифологических и фольклорных меньше: соответственно два и три.

Указанные когнитивные, вербальные и когнитивно-вербальные схемы используются как экспрессивно усиливающие. В этом состоит их основная функция в творчестве Марины Цветаевой. Включения знаков культуры (фольклорные, мифологические, библейские, литературные реминисценции, схемы, мотивы и образы) служат средством компонентно-стилевого семантического усложнения, средством семантического сжатия, объединения значений нескольких схем в пределах единой, последовательно разворачивающейся и проецируемой в стихотворении схемы эмпирического обобщенного житейского знания.

Piotr Czerwiński

Marina Cwietajewa: Motywacyjny podział tekstu

Streszczenie

Artykuł poświęcony jest analizie motywacyjnej tekstu poetyckiego Mariny Cwietajewej, zbudowanej na wyróżnieniu działających w tekście schematów kognitywno-werbalnych rosyjskiej świadomości językowej. Analiza ukierunkowana została na schematy pochodzenia folklorystycznego. Zinterpretowano ich odzwierciedlenie w tekście poetyckim jako typy transformacyjne folklorystycznych inkluzji. Twórczość M. Cwietajewej charakteryzuje mozaikowo-transformacyjny typ tworzenia tekstu. Odzwierciedlenie zarówno kognitywno-werbalnych schematów folkloru, jak i schematów innego pochodzenia nie jest dlatego dla niej przypadkowe.

Piotr Czerwiński

**Marina Cwietajewa:
A motivational text division**

Summary

The article is devoted to the motivational analysis of a poetic text by Marina Cwietajewa, built on a distinction of cognitive-verbal schemes of the Russian language awareness operating in the text. The analysis was directed at the schemes of a folklore origin and interprets their reflection in a poetic text as transformational types of folklore inclusions. The works by Marina Cwietajewa are characterised by a mosaic-transformational type of text creation. That is why a reflection of both cognitive-verbal schemes of folklore and schemes of other origins are not accidental.